

ПУХОВА Т.Ф.

ТРАДИЦИИ РЯЖЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ (по записям фольклорных экспедиций 1990-2004 годов)

В фольклоре и этнографии Воронежского края ряжение занимает особое место, так как обращает нас к древнейшим пластам нашей духовной и материальной культуры, таким древним верованиям, как культ предков, тотемизм, фетишизм, демонология, к различным формам аграрной магии, культу воды.

Традиционная обрядовая культура Воронежского края как культура юга России во многих своих проявлениях близка к общероссийской традиции. В то же время, несомненно, существуют ее специфические черты. Ведь наша область ввиду особенностей ее заселения являет пример зоны соединения различных фольклорных традиций: разных среднерусских регионов, южнорусской, украинской.

Рассмотрим характерные черты и особенности воронежского ряженья по записям фольклорных экспедиций 1990-2004 годов Воронежского Госуниверситета и Воронежской Государственной Академии Искусств.

В результате анализа этого материала выясняется, что традиция ряжения была широко распространена в воронежских селах 10-30-х годов XX века. В репортажах фольклористов отмечено 44 материала о ряжении из 18 районов области. Разумеется, информацию об этом обряде чаще всего давали жители сел достаточно пожилого возраста – 70-ти и 80-летние. Они говорили, что раньше, в 10-20-е годы, по воспоминаниям их матерей и бабушек, рядились все – и дети, и взрослые:

«Под Рождество ходили колядовать, пели «Рождество твое Христе Боже наш». Рядились – и дети, и взрослые» (с. Никольское-2 Воробьевского р-на, Уварова О.Т. 1924 г.р., ВГУ АКТЛФ 2001/5).

Надо отметить, что большинство рассказов сводятся лишь к упоминанию самого факта ряжения и краткого обозначения внешнего облика ряженных. Описание самого действия, разыгрываемого во время прохождения обряда, встречается крайне редко. Это связано, несомненно, с фактом угасания традиции, а также с тем, что не все информанты могли в детстве и в юности (в 30-40-е годы) участвовать в обряде.

Тем не менее, даже эти обрывочные сведения дают нам многое для понимания мифологических представлений русского народа. Ведь, как говорила известный исследователь ряженья Л.М. Ивлева: «Сами приемы игры, как и особая техника создания образа, включая костюм, «грим», маску, или коренятся в мифологических представлениях или имеют определенные магические обоснования» (1, с. 29).

Л.М. Ивлева так определяла этот ритуал и время его проведения: «Обычай этот состоит в перемене облика, в преображении, основанном на переряживании и маскировке. Наиболее известна святочная его разновидность, которую отличает и наибольшая, если не повсеместная, распространенность» (1, с. 29).

Большинство воронежских репортажей также относятся к *святочному* ряжению. Действительно, в наших записях мы встречаем ряжение практически во всех праздниках святок: на Новый Год, Рождество, Старый Новый год, кроме Крещенья. Рядились даже утром на Рождество, когда ходили христославить, что видно из приведенного ниже примера:

«Рано утром на Рождество ходили по домам и христославили. При этом одевались в широкие юбки, женщины переодевались в мужчин и наоборот. Христославили в доме перед иконой: *«Нынче Бог родился...»* Хозяева обязаны были дать тем, кто христославил деньги, блинцы, конфеты» (с. Чесменка Бобровского р-на, Молодых З. Р. 1930 г.р., ВГУ АКТЛФ 2001).

Рассматривая особенности ряжения, попытаемся доказать, что и для воронежских обрядов характерны положения, выдвинутые М.Л. Лурье: «...святочное игрище – при всем множестве своих составляющих – характеризуется, во-первых, устойчивостью структуры, во-вторых, единством выразительной системы и основных концептов, в-третьих, – наличием ритуальной направленности наряду с развлекательной, что особенно отчетливо проявляется во взаимодействии ряженных со зрителями» (2, с. 107).

В ряжении конца XX века мы видим следы древнейших ритуалов, сопровождавших человека в пороговые этапы его жизни, (например, свадьба, похороны), и конечно же, в переходные этапы календаря (солнечные фазы – Святки, Масленица, Троица). Это время, особенно Святки, считалось опасным, т. к. по мифологическим представлениям славян, в период зимнего солнцеворота вся нечистая сила выходила наружу, ведь солнце в этот момент имело наименьшую силу или только набирало ее: «В описаниях отчетливо проступают все признаки ряженья как бесовского, кощунственно-опасного и во многом запрограммированного действия». (1, с. 29) В эти периоды человека охватывало чувство страха, неуверенности. Мотив страха при появлении ряженных встречается во многих описаниях, ряженные должны были пугать:

«Наряжались, мазались сапухой (золой), выворачивали шубы, брали вилы, метёлки и так колядовали. Спрашивали хозяев: *«Вы желаете Авсень?»*» (с. Терновое Острогожского р-на, Сухинина А.О. 1910 г.р., ВГАИ КНМ № 948/ 3, 5).

Чтобы испугать прохожих, делали тыкву: «Пугали прохожих – у тыквы вырезали глаза, нос, рот, а внутрь ставили горящую свечу» (с. Чесменка Бобровского р-на, Молодых З.Р. 1930 г.р., ВГУ АКТЛФ 2001).

«Под Рождество колядовать ходили дети и взрослые. Наряжались в вывороченные шубы и лохмотья» (с. Тресоруково Лискинского р-на, Сафонова В.Е. 1930 г.р., ВГАИ КНМ № 380/7).

Не случайно в приведенных примерах мы встречаем атрибуты другого, потустороннего мира, связанного с нечистой силой: вилы, метелки (атрибуты ведьм), вывернутая одежда, чучело человеческой головы (тыква с горящей внутри свечой), лохмотья, тряпки – символы потустороннего мира. Такие и подобные им детали, свойственные демоническим персонажам, мы постоянно встречаем в описаниях героев ряженья.

В целом эти действия вполне справедливо наделяют «качествами своего рода *антимира*». Из *антиматериалов* – рогожи, тряпья, изношенной до дыр обуви, соломы, веников, корзин, пакли, веток растений – конструируется костюм ряженого. По принципу «анти» (в формах травестизма, выворачивания отдельных вещей наизнанку, переворачивания их снизу вверх, слева направо, обращения к архаическим видам наряда) используется и костюм как таковой. Такой же эффект достигается и за счет функционально-возрастного сдвига в традиционной предназначенности одежды: девушки облачаются, к примеру, в женский костюм и наоборот. Мотивы *антиповедения* вскрываются в серии характерных для окрестника поступков, и не случайно публика с ряженных не взыскивает, ряженым все позволительно» (1, с. 30).

Испытав испуг, ужас, зрители этого яркого святочного действия затем испытывают прямо противоположное чувство. Здоровые силы берут верх, наступает пора смеха. Ведь все знают, что ряженные – их односельчане, что их приход связан с веселыми колядками, что само по себе настраивает на будущую весну, будущий урожай.

«На Рождество дети собирались небольшими группами и ходили колядовать. Они для смеху одевали родительские шубы, большие шапки. Мальчишки помазывались сапухой, девочки красились. Заходили они в каждый двор с пожеланиями счастья, богатства, хорошего урожая летом» (с. Монастырщина Богучарского р-на, Лангина С.Е., ВГУ АКТЛФ 1998).

Рассмотрим *внешний облик ряженого*. «Принадлежность» к демоническому миру, бесовщине предполагает «принципиальную неузнаваемость» ряженого. Этому служили различные средства, и в первую очередь – маски.

Но так сложилось, что в конце XX века в нашей области почти не осталось воспоминаний об изготовлении собственно масок, их виде. Возможно, что своеобразной маской была особая раскраска лица, описанная в г. Коротояке Острогожского р-на: «Наряжались в разные маски, мазались *«сапухой»* (золотой), разукрашивались мелом, толкли дурман-траву и зелёным по белому мазали, наряжались в тряпки» (с. Коротояк Острогожского р-на, Дурнева А.С. 1914 г.р., ВГАИ КНМ № 23/ 10).

Примечательно, что на покрытое мелом лицо наносили истолченную дурман-траву, издавна используемую народной медициной, а также являющейся возбуждающим средством. Из дореволюционных архивных источников известно, что поведение ряженных было очень активно: «Они бесцеремонно и чаще всего очень шумно вторгаются в праздничную толпу. Они именно «залетают» в избу, где собралась на посиделки молодежь. Чередой кувырканий, неистовыми прыжками, стремительными плясовыми движениями завладевают они пространством, необходимым для игры» (1, с. 29).

Есть еще одно свидетельство из Хохольского р-на об изготовлении масок медведя и журавля, да и то из уст переселенцев с Украины:

«Под Новый год девушки и парни отдельно ходили по дворам колядовать. Некоторые наряжались в маски медведя, журавля. Если хозяева долго не выходили, то колядовщики им пели:

*«Нэ пора ли вам, хозяйюшки,
Колядовщиков дарыть,
Прыкажить нэ дэржить,
Наши ножки нэ знобить!»*

Угощение хозяева готовили заранее. Это были хлеб и домашняя колбаса, пряники, а кто побогаче, тот одаривал деньгами» (х. Парничный Хохольского р-на, Припенина З.Н. 1943 г.р., ВГУ АКТЛФ 2000).

Если сведений о масках почти не было зафиксировано, то вообще рассказов о внешнем облике ряженого удалось записать достаточно много. Повсеместно сообщалось, что вместо масок просто раскрашивали лицо. Еще В.Я. Пропп писал, что «маске соответствовало чернение лица сажей... Этим человек ставил себя вне рамок того, что в человеческом обществе принято» (3, с. 128).

Лицо раскрашивали:

1. Краской, карандашом:

«В Новый год с утра парни и девушки собирались улицей и шли на «щедровку», значит –поздравлять с Новым годом. Щедровщики наряжались в праздничные одежды. Парни были в вывернутых наизнанку полушубках, валенках, а девушки надевали юбки с широкими лентами, казачки, полушубки, разноцветные шали на голову. Лица раскрашивали сажей и *красной краской*» (с. Русская Журавка Верхнемамонского р-на, Коптева Т.Н. 1915 г.р., ВГУ АКТЛФ 2000).

2. Свеклой, морковкой:

«На Новый год наряжались, размалёвывали себя *бураком*, сажей» (с. Чесменка Бобровского р-на, Молодых З. Р. 1930 г.р., ВГУ АКТЛФ 2001).

3. Сажей, золой:

«На Новый год гадали. Рядились в шубы, сверху шерстью. Рукава тоже наизнанку, подпоясывались, платком подвязывались. Вот и пошли. Лицо карандашами да *сажей* мазали» (с. Вязовка Таловского р-на, Токарева Т.А. 1931 г.р., ВГУ АКТЛФ 2002).

4. Мелом:

«Наряжались в разные маски, мазались *«сапухой»* (золой), разукрашивались мелом, толкли дурман-траву и зелёным по белому мазали, наряжались в тряпки» (с. Коротояк Острогожского р-на, Дурнева А.С. 1914 г.р., ВГАИ КНМ № 23/ 10).

В воронежских обрядах действуют те же *персонажи ряженья*, что и в других регионах России:

1. Черт; 2. Ведьма; 3. Жених с невестой:

«Вечером перед Рождеством ходили распевали колядки, носили кутью, наряжались в разные костюмы, чтобы не узнали. Наряжались и на Новый год, и на Святки. Наряжались *чертом, ведьмой, невестой с женихом*. Ходили по дворам наряженные, плясали. Хозяева дома их угощали. Щедровали» (с. Гороховка Бутурлиновского р-на, Бочарникова М.Х. 1927 г.р., ВГАИ КНМ № 860/6).

В данном случае мы видим, казалось бы, странное сочетание образов черта – персонажа загробного мира – и жениха с невестой. Такое сближение объясняется известным народным представлением об особом пороговом, переходном положении жениха и невесты: «Преобразование социального статуса невесты символически осмысливается как смерть в прежнем качестве и рождение в новом» (4, с. 381).

4. Цыган: «На Коляду пекут пышки, готовят кашу. Рядились *цыганами*, красились сапухой. Проходили кулачки» (с. Прилепы Рамонского р-на, Мамычева А.Ф. 1908 г.р., ВГАИ КНМ № 428/ 45-49).

5. Старик: «На Рождество рядились цыганами, *стариками*. Заходили в дом и говорили: «*Ну-ка, бабка. Глянь-ка у сундучок, достань пяточок*», или «*Полезь на потолок – нет ли дедовых порток?*». Колядовщикам ставили на стол пшеницу. Они брали немного себе, а потом относили скоту» (с. Каменка Семилукский р-н, Ловчикова М.И 1928 г.р., ВГАИ КНМ № 703/1, 10). Старик в данном случае рассматривался как человек, максимально приближенный к иному миру, царству мертвых, противостоящему живым.

6. Мужик: «Ходили ряженые. Рядились в *мужика*, в цыганку. Ходили колядовать» (с. Глушицы Рамонского р-на, Абакумова А.П. 1920 г.р., ВГАИ КНМ № 817/ 6, 8).

Наряжались *разными животными*:

«Ходили по домам и обсыпали зерном иконы. Желали здоровья, богатства, урожая, счастья. Колядовщиков одаривали. Рядились *разными зверями*» (с. Татарино Каменского р-на, Галдабина А.С. 1914 г.р., ВГАИ КНМ № 357/16, 19).

1. Козлом:

«На Святки рядились в *козла*, цыганами» (с. Углынец, Кутищева А. И. 1924 г.р., ВГАИ КНМ № 451/ 28).

2. Медведем; 3. Журавлем:

«Вечером колядовали. Рядились колядовщики в *коз, медведей*, выворачивали шубы. Гадали» (с. Айдарово Рамонского р-на, Филимонова Г.И. 1919 г.р., ВГАИ КНМ № 630/4).

4. Конем:

«Ходили ряженые. Наряжались в конский волос, приклеивали усы» (с. Гороховка Бутурлиновского р-на, Бочарникова М.Х. 1927 г.р., ВГАИ КНМ № 860/6).

Одежда ряженых выполняет уже названную функцию «антиповедения», когда одеждой становились вещи, непригодные для одеяний по своему размеру, качеству, родовой принадлежности.

1. Одевались *кто как*, в любую одежду:

«На Старый Новый год вечером собираются девочки и ребята, те, которые постарше, с 14 лет, кому уже, позволяли ходить на улицу. Вот они одевались, *кто во что горазд*, колядовали» (с. Петровское Борисоглебского р-на, Шишкина Н.А. 1951 г.р., ВГУ АКТЛФ, 2004).

2. Надевали вещи *не своих размеров*, например, дети – взрослых:

«На Рождество дети собирались небольшими группами и ходили колядовать. Они для смеху одевали *родительские шубы, большие шапки*. Мальчишки

помазывались сапухой, девочки красились. Заходили они в каждый двор с пожеланиями счастья, богатства, хорошего урожая летом» (с. Монастырщина Богучарского р-на, Лангина С.Е., ВГУ АКТЛФ 1998).

3. Надевали вещи *не своего рода*, например, женщины одевались в мужчин и наоборот:

«Взрослые ходили ряжеными на Святки: рядились в вывернутые шубы, *бабы – в мужиков, мужики – в баб*. Дети не рядились» (х. Индычий Петропавловского р-на, Косяченко П.Т. 1929 г.р., ВГУ АКТЛФ 2003).

«Рано утром на Рождество ходили по домам и христославили. При этом одевались в широкие юбки, *женщины переодевались в мужчин* и наоборот. Христославили в доме перед иконой: «*Нынче Бог родился...*» Хозяева обязаны были дать тем, кто христославил деньги, блинцы, конфеты» (с. Чесменка Бобровского р-на, Молодых З.Р. 1930 г.р., ВГУ АКТЛФ 2001).

Из этого приведенного примера видно, что рядились даже утром на Рождество, когда ходили христославить.

4. Одевались в *вывернутую наизнанку* одежду, мехом наружу:

«В Новый год с утра парни и девушки собирались улицей и шли на «щедровку», значит – поздравлять с Новым годом. Щедровщики наряжались в праздничные одежды. Парни были в *вывернутых наизнанку полушубках*, валенках, а девушки надевали юбки с широкими лентами, казачки, полушубки, разноцветные шали на голову. Лица раскрашивали сажей и красной краской» (с. Русская Журавка Верхнемамонского р-на, Коптева Т.Н. 1915 г.р., ВГУ АКТЛФ 2000).

5. Делали *из конского волоса усы*:

«На Святки водили танки, катались на салазках с яра. Пели щедровку: «*Щедрики – ведрики, дайте вареники*». Ходили ряженные. Наряжались в конский волос, приклеивали усы» (с. Гороховка Бутурлиновского р-на, Бочарникова М.Х. 1927 г.р., ВГАИ КНМ № 860/6).

6. Зимой обували *лапти*, делали головной убор из *соломы*:

«Наряжались в вывороченные шубы, соломой обвёртывают голову, одевают лапти и ходят по домам» (с. Большой Самовец Эртильский р-н, Лесных Е. И. 1918 г.р., ВГАИ КНМ № 384/5, 11).

По мнению Г.В. Лобковой солома в качестве головного убора неслучайно фигурирует в ряженье: «Солома как атрибут святочных обрядовых действий подчеркивает общность отмеченных персонажей с мифологическими представлениями о духах, населяющих житные поля, овины, амбары и т. д. Связь обнаруживается и при сопоставлении с деталями и образным строем пожинальных обрядов» (5, с. 40). На сходстве ряженья на Святках и Жатве мы остановимся позже.

Не только внешний облик, но и поступки ряженных можно было отнести к «антиповедению». Например: «В первый день Нового года ходили компаниями по домам ряженные с песнями и шутками. Они поздравляли хозяев, желали благополучия и счастья, пели колядки. Часто в шутку обменивали ворота у дворов, угоняли телеги, а днем их искали» (с. Русская Журавка, Чурилова О.М. 1930 г.р., ВГУ АКТЛФ 1991).

Веселье и разгул святочных вечеров заканчивались Крещением. С окончанием Святков – времени пробуждения неведомых сил, демонов в виде обрядовых персонажей, времени «гостевания духов» – наступала пора очищения от всех грехов. Г.В. Лобкова, по данным экспедиции в Вологодской области 1960-90-х годов, пишет: «С окончанием Святков, в Крещенье, мужики, рядившиеся Страшными Кудесами, окунались в прорубь в одежде Кудеса, на перекрестках дорог жгли солому, дрова – провожали Святки; остальные жители закрещивали двери, окна, колодцы, проруби, преграждая места прохождения духов в мир живых» (5, с. 40). В Воронежской области также проводятся очистительные обряды на Крещенье, хотя и не в полном виде.

«На Крещенье во дворах жгли костры – дом освящали, *всю нечисть выжигали*» (с. Полубяновка Каширского р-на, Гончарова П.Т. 1922 г.р., ВГУ АКТЛФ 2004).

«На Крещение купались в *Иордани*» (с. Крутчик Рамонского р-на, Сергеева А.Т. 1923 г.р., ВГАИ КНМ № 696/26, 30).

«День перед Крещением назывался – Свечки. В этот день почти не ели. Сама хозяйка рисовала кресты на дверях, на окнах, на потолках, на воротах.

В церкви брали святую воду или вырубали во льду Ердань крестом и воду брали оттуда» (с. Чесменка Бобровского р-на, Молодых З.Р. 1930 г.р., ВГУ АКТЛФ 2001).

«На Крещение было принято рисовать кресты на дверях, брызгать дом святой водой. Устраивали Иордань: на реке изо льда выбивали крест и купались в этой проруби» (с. Колодезное Каширского р-на, Быкова А.П. 1934 г.р., ВГУ АКТЛФ 2004 г.).

Итак, святочное ряженье по современным воронежским записям в основном соответствует общерусской традиции. Здесь прослеживается традиционная установка на неузнаваемость ряженого, используются традиционные средства, необходимые для этого (краска, зола, сажа, свекла). Мы видим здесь типичных святочных персонажей ряженья – черта, ведьму, жениха, цыгана, старика, мужика, разных животных – козла, медведя, коня, журавля. В современных описаниях передается также действия, объясняющие необычный, странный, абсурдный облик ряженого (его «антиповедение»).

До нас почти не дошли сами святочные игры (игры в «покойника», «умруна», «кузнеца», «вождение козы»), поэтому архаичный подтекст ряженья в записях 1990-2004 гг. выражен гораздо слабее. Традиционные святочные игрища с отпеванием «покойника» не разыгрываются, жители села не вовлекаются в общее действо, и тем самым не наполняется жизнью аграрно-магическая идея о влиянии подобных разгульных обрядов на плодородие земли, на будущий урожай, не происходит «магическая сопричастность играющих сверхъестественным началам» (6, с. 166).

Игровое начало в воронежских святочных обрядах оказалось ослабленным, но аграрная продуцирующая магия все равно присутствует, только несколько в иной форме. Если снова обратиться к репортажам о ряженных, то можно увидеть, что практически в любом из них ряженные «колядовали», «шедровали», «посевали» или «меланковали». Например:

«Под Новый год рядились, колядовали и обсыпали хозяев пшеницей: «*Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю...*» (с. Урыв-Покровка Острогожского р-на, Щеголеватых П.П. 1929 г.р., ВГАИ КНМ № 1001/9).

Ряд подобных примеров можно продолжать и дальше. Становится ясно, что ряженые, участвующие в *колядовании*, также совершали магический обряд, который должен был вызвать в будущем обильный урожай.

Исследуя ряженья в разных регионах России, фольклористы пришли к выводу о том, что «для святочного ряженья были свойственны две формы: обходная и посиделочная (вечерочная). В первом случае ряженые обходили все дома своей деревни, а нередко и соседних селений, где за свою игру, пение (иногда исполнение колядок) и пляски получали угощение и дары. По форме и целям обходное ряжение было близко колядованию. Другая форма ряжения связана с традицией игрищ молодежи в святочное время» (7, с. 496).

Для воронежской традиции ряженья больше характерна первая форма святочного ряженья – обходная. В подавляющем большинстве репортажей описывается, как ряженые идут, обходят дом за домом и при этом колядуют:

«На Новый год рядились в шубы, сверху шерстью. Рукава тоже наизнанку, подпоясывались, платком подвязывались. *Вот и пошли*» (с. Вязовка Таловского р-на, Токарева Т.А. 1931 г.р., ВГУ АКТЛФ 2002).

«Вечером перед Рождеством *ходили*, распевали колядки, носили кутью, наряжались в разные костюмы, чтобы не узнали» (с. Гороховка Бутурлиновского р-на, Бочарникова М.Х. 1927 г.р., ВГАИ КНМ № 860/6).

«*Ходили* ряженые. Рядились в *мужика*, в цыганку. Ходили колядовать» (с. Глушицы Рамонского р-на, Абакумова А.П. 1920 г.р., ВГАИ КНМ № 817/6, 8).

А вот в следующем репортаже мы видим скорее всего посиделочную форму ряженья, не случайно здесь говорится о том, что дети не рядились. «Взрослые ходили ряжеными на Святки: рядились в вывернутые шубы, *бабы – в мужиков, мужики – в баб*. Дети не рядились» (х Индычий Петропавловского р-на, Косяченко П.Т. 1929 г.р., ВГУ АКТЛФ 2003). Ведь на посиделках «основным объектом действий ряженных выступали половозрастные группы парней и девушек, достигших совершеннолетия» (7, с. 496).

Ряженье в обрядовом фольклоре Воронежской области разнообразно представлено в течение всего календарного года. Мы встречаем разные его формы не только в зимний, но и в *весенне-летний период*. Рядились на Масленицу, на Троицу, на Петров день.

На Масленицу ряженье воплощалось в разных формах: в обрядах, связанных с изготовлением чучела Масленицы и в обрядовых играх.

«На Масленицу катались с горы, по улице на санях. В селе ставили чучело из соломы. Чучело стояло всю неделю, а потом сжигалось. Иногда на Масленицу вместо чучела наряжали человека, ставили на сани и катали» (с. Сухой Донец Плахова Н.С. 1916 г.р. ВГУ АКТЛФ 1998).

В с. Титаревка Кантемировского р-на записаны сведения об игровом «*шестви с козлом*»: «На Масленицу делали «*козла*» – к рогатулине прибавляли поперечную палку, на нее вешали «бороду», одевали ево и украшали. Три женщины вели *козла* по улице и спевали:

*Як поїду я у козла, у козла,
А за мною три посла, три посла...*

За женщинами шел «хвост» из всех присоединившихся к «послам» (с. Титаревка Кантемировского р-на, Кадурина М.Ф. 1915 г.р., ВГУ АКТЛФ 1997).

Не случайно такой обряд проводился на Масленицу, накануне встречи весны и будущего сева. Коза, как самое плодовитое животное, должна была вызывать плодородие земли, возможно, благополучие и самим жителям села: «Козе приписывали силу вызывать плодородие почвы в тех местах, по которым ее проводили» (3, с. 59). Как известно, в силу своей плодовитости коза была одним из самых распространенных тотемных животных. Следует обратить внимание и на то, что козла вели три женщины, а ведь в традиционном представлении женщина и Мать-сыра земля взаимосвязаны.

Следующий народный праздник, в котором участвовали ряженые – *Троица*. Здесь ряженые использовались для троичного обхода домов и сбора даров.

«Красили яйца, ходили на кладбище. Рвали траву, ею устилали пол дома, кленовыми листьями украшали дома, заборы. Ходили в лес «кленки завивать». Девушки делали венки из клёна, кумились. Венки бросали в Дон, гадали на них. По деревне ходили *ряженые*, им давали угощения – муку, пшено, яйца. На второй день троицы пекли блины» (с. Петино Хохольского р-на, Гурова А.А. 1911 г.р., ВГАИ КНМ № 550/13).

В отдельных воронежских селах хорошо сохранилось ряжение на *русальную неделю*. Хорошие, с обилием деталей, репортажи удалось записать в селе Оськино Хохольского р-на, где до недавнего времени «водили русалку». Действия с участием ряженых за неделю до начала русальной недели:

«На Троицу водили «танку» (обычно в неделю перед вождением «русалки»). «Танка» водилась в специальных костюмах. Надевали старую одежду, рвали ее на полосы, ленточки так, чтобы лохмотья волочились по земле и поднимали пыль, когда женщины начинали плясать. Свои лица они накрашивали: брови чернили углем, щеки и губы натирали свеклой и морковкой, волосы сильно лохматили. Иногда мужчины наряжались женщинами. В этих костюмах люди с песнями и плясками шли по селу. На ноги надевали старые валенки, у которых надрезалась подошва, и когда ногами сильно топали, она отваливалась. Навстречу шествию выбегали дети, и тогда ряженые начинали стегать их кнутами, припасенными заранее. Дети бросались врассыпную, ряженые за ними, поднималась сильная пыль, летели подошвы, оторванные от валенков. В «танку» играли и взрослые и дети» (с. Оськино Хохольского района, Попова А.С. 1914 г. р., ВГУ АКТЛФ 1990).

В данном описании облик ряженых традиционно неузнаваем: одеты в лохмотья, лица накрашены свеклой и морковкой, волосы взлохмачены, на ногах – валенки, хотя действие происходит в июне. Также традиционно сочетание страшного и смешного: ряженые пугают детей, хлещут их плеткой, и в то же время вызывают смех, когда на глазах у всех разваливаются их валенки.

В то же время в костюме ряженых с. Оськино есть деталь, прямо указывающая на принадлежность костюму русалки: низ юбки порван на ленточки так, чтобы лохмотья волочились по земле. Все это напоминает бахрому, символи-

зирующую потоки воды, струи дождя. А как отмечал Б.А. Рыбаков, в орнаменте неолитических сосудов «вертикальные линии, иногда прямые, часто волнистые, струйчатые, обычно расцениваются, как изображение дождя... Если же мы займемся выяснением корреляции дождевых линий с теми или иными сюжетами, то увидим, что они постоянно соотносятся с женскими изображениями» (8, с. 168). «Невольно вспоминаются балканские додолы – девушки, одетые в зеленые ветви, их обливают водой, и они танцуют танец дождя» (8, с. 206). Из всего этого можно сделать вывод, что не только русалка, но и ряженые в «русальную неделю» имеют в своей одежде детали, сближающие их с русалкой.

«Водили русалку» через неделю после Троицы. Чучело русалки делали в виде коня «с рогами и бородой из конопли. Вел русалку ряженный «цыган» с длинной плеткой или кнутом. Иногда водили двое-трое: один вел за узду, другой шел с плеткой, третий – «цыган». Иногда с ними шла женщина, одетая цыганкой, она всем гадала и за гаданье просит награду. Русалка пляшет, за людьми бегают, брухается. Три-четыре женщины с ведрами собирали подарки, которые давали русалке. Русалка обходила все дворы в селе. Подойдя к дому, она была рогами в ворота, ложилась и не уходила, пока ей не дадут подарок (яйцо, кусок мяса).

Ряженые водили хоровод вокруг русалки, приплясывали. Одевались как можно смешнее и чуднее. Женщины надевали поневы, яркие кофты, цветастые платки, лапти, мазали брови сажей, красили щеки свеклой. Шествие проходило по всему селу. После того, как все село обошли и набрали подарков, заходили в какой-нибудь дом и начинали приготавливать обед. Все участники обедали, веселились, пели песни, плясали» (с. Оськино Хохольского р-на, Андреева А.М. 1933 г.р., Садыкина И.Ф. 1914 г.р., Колесникова В.П. 1924 г.р., Тюнина О.С. 1912 г.р., Воробьева Н.Г. 1914 г.р., ВГУ АКТЛФ 1990).

В этом игровом действе ряженые выполняли ведущую роль. «Цыгане» ведут русалку, водят хоровод вокруг нее. Ряженые, так же, как и колядующие, собирают подарки, одеваются как можно «смешнее и чуднее». Русалка же пугает людей, «брухается», как и «коза» в святочной игре. Так же, как и коза, русалка падает на землю, умирает, пока не получит подарков. Ритуальное касание земли, внезапное умирание и воскресение русалки или «козы», как говорил В.Я. Пропп, напоминает «обряды со смертью и воскресением, но дело здесь все же не в этом» (2, с. 122). Касаясь земли, коза передает силу своей плодовитости растениям. Так же и русалка как древний дух растительности дает благополучие людям, одарившим ее, а полям, на которые выносят ее чучело, – дожди и урожай.

Своеобразна роль ряженных в обряде *похорон русалки*, записанном в с. Каверье Семилукского р-на: «Набивали соломой или сеном чучело. Убирали полотенцами, клали его на палки, несли четыре человека, все остальные шли следом и голосили как по покойнику. «Ой, милая детушка, горько-горькою я осталась одна, я на тебя надеялась, а ты умерла». Русалку несли в рожь и там оставляли. Старики говорили: «Если не будете прятать русалку, то она вас встретит и напугает». Приглашали безродную бабку, и она голосила. Ребята

«набегали» на чучело, её трепят, но всё равно несут в поле, в рожь и там хоронят. Ходили *ряженые* – распределялись роли: были мать, отец» (с. Каверье Семилукского р-на, Солодова У.М. 1938 г.р., ВГАИ КНМ № 436/4, 38).

Мы видим здесь обрядовые похороны русалки, «похороны под смех». Причем, в данном обряде появляются новые образы ряженных. У «покойной» русалки есть «мать» и «отец», которые ее горько оплакивают. Мнимая смерть русалки, ее похороны в поле, плачи и голошения ряженных означают только ее скорое воскрешение в виде благодатного дождя, так необходимого наливающимся хлебам.

В других селах на русальную неделю ряженные совершали обходы домов с целью получения даров: «В с. Синие Липяги в русальскую неделю девушки «русалили». Ходили по домам и спрашивали под окнами, как зовут их будущего жениха. «Русалки» пугали людей – стучались в окно, а когда выглядывали люди, подносили к лицу свечу, что делалось с целью устрашения. Русалки, как считалось, приносили в дом радость. Молодые девушки *рядились* и ходили по домам, где их одаривали, а они желали людям добра» (с. Синие Липяги Нижегородского р-на, Нестерова М.К. 1928 г.р., ВГУ АКТЛФ 2004).

Ряженье сопровождало воронежских крестьян и в период уборки хлебов, особенно в период его окончания. Хотя до нас дошло очень мало свидетельств, но сам факт наличия таких обрядов очевиден. Например, среди экспедиционных записей есть такая: «На Петров после уборки урожая устраивали «сабантуй» с ряжеными» (с. Гвазда Бутурлиновского р-на, Миляева М.В. 1918 г.р., ВГАИ КНМ № 371/40).

Больше упоминаний о ряженных мы не встречаем. Означает ли это, ряженье в конце жатвы сводится к нулю? Очевидно, с этим нельзя согласиться, ведь в записях, относящихся к Ильину дню, мы находим много упоминаний об украшении последнего снопа, о создании своеобразной куклы дожиночного снопа:

«Последний сноп *завязывали платочком*, это значит – Христу на бородку» (с. Шишовка Бобровского р-на, Шашина А.А. 1915 г.р., ВГУ АКТФ 2001).

«Во время жатвы колосья завивали, на поле оставляли. *Завяжут его завязочками*. Это называется – оставить Илье бороду» (с. Красный Лог Каширского р-на, Корзинова Е.И. 1913 г.р., ВГУ АКТЛФ 2004).

«Последний сжатый сноп *связывали лентой* – оставляли Илье на бороду» (с. Солдатское Острогожского р-на, Сухинина Д.А. 1920 г.р., ВГАИ КНМ № 997/1).

«Траву клали в снопы, сзади шли девки и их вяжут, «у *хресты кладут*». На поле оставляли последний сноп и нескошенный круг. Сноп украшали *лентами, платками*. Пели песни» (с. Терновое Острогожского р-на, Сухинина Е.П. 1932 г.р., ВГАИ КНМ № 949/16).

Возможно «последний сноп» в данном случае является знаком существования и других форм ряженья – появления собственно ряженных. Ведь во всех рассмотренных раньше обрядах с ряжеными присутствовали и чучела-куклы «покойника», Масленицы, Козы, Русалки. Так как жатвенные и осенние обряды вообще очень плохо сохранились, то возможно ряженье, существовавшее

когда-то в конце жатвы, теперь оказалось утраченным и в воспоминаниях наших современников.

Итак, рассмотрев традиции ряженья в Воронежской области, мы приходим к выводу, что эти обряды были достаточно широко распространены, но степень их распространения не была одинакова в разные периоды календарного года.

Особенно богато было представлено ряжение на Святках, но в Воронежском крае оно оказалось напрямую связано с колядованием, с исполнением колядок, посеваний, христославий, щедровок. Ряженые имеют традиционный внешний облик, сохраняется типичная система образов, но самого действия ряженных, святочных обрядовых игр, проводимых ряженными, к сожалению, экспедиции 1990-2005 годов не выявили. Ряжение на Масленицу и, особенно, на Русальную неделю, напротив, оказалось более устойчивым, о чем говорят, обряды «шествия с козой», «вождения и похорон русалки».

Несмотря на то, что многое в традиционном ряжении в воронежском фольклоре утрачено, сохранилось главное: приход ряженных символизировал борьбу сил умирающей и воскресающей природы. Через всеобщее переживание страшного и ужасного в нечистой силе, а затем через всеобщий смех над ней же человек приходил к осознанию магической сопричастности к движению сил природы. В различных обрядах, в которых принимали участие ряженые, и по сей день прослеживается аграрно-продуцирующая магия, являющаяся в традиционном земледельческом обществе своеобразным законом жизни.

Литература:

1. *Ивлева Л.М.* Окрутки, хухляки, страшки. / Л.М. Ивлева. // Живая старина. – №2, 1995. – С. 29.
2. *Лурье М.Л.* Ряженный и зритель: формы и функции ритуального контакта (битьё). / М.Л. Лурье. // Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. – СПб., 1998. – С.107.
3. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. / В.Я. Пропп. – СПб., 1995. – С. 128.
4. *Гура А.В.* Невеста. / А.В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М., 2003 – Т.3. – С. 381.
5. *Лобкова Г.В.* Сдоблялись на Святки Кудесам. / Г.В. Лобкова. // Живая старина. – №2, 1995. – С. 40.
6. *Ивлева Л.М.* Обряд. Игра. Театр. / Л.М. Ивлева. // Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. – СПб., 1998. – С. 166.
7. *Мадлевская Е.Л.* Ряжение / Е.Л. Мадлевская. // Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 2002. – С. 496.
8. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. / Б.А. Рыбаков. – М., 1994. – С. 168.